Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Снежный киллер

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Полковник Гуров

Николай Леонов

Снежный киллер

«Научная книга»
2014

Леонов Н. И.

Снежный киллер / Н. И. Леонов — «Научная книга», 2014 — (Полковник Гуров)

ISBN 978-5-699-72691-2

Знаменитый московский сыщик Лев Гуров решил съездить на Кавказ: подышать свежим воздухом, отдохнуть от столичной суеты и покататься на лыжах. Но спокойно провести отпуск не получилось. Недалеко от гостиницы, в которой жил сыщик, при загадочных обстоятельствах погибает бизнесмен Игорь Семенов. Убитая горем вдова Лидия обращается за помощью к Гурову, и тому ничего не остается, как взять расследование в свои руки. Сначала сыщик подозревает делового партнера Семенова, но вскоре приходит к выводу, что смерть бизнесмена была выгодна в первую очередь самой Лидии…

ISBN 978-5-699-72691-2

© Леонов Н. И., 2014
© Научная книга, 2014

Содержание

Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 16
Глава 5 20
Глава 6 25
Глава 7 30
Глава 8 33
Конец ознакомительного фрагмента. 34

Николай Леонов, Алексей Макеев
Снежный киллер

Глава 1

Игорь Борисович еще раз проверил, хорошо ли сидят ботинки, надел очки, сдвинув их на лоб (сейчас они не требовались), и вышел из пансионата. Солнце уже давно село, и над поселком опустилась ночь. Подняв голову, Семенов поглядел на небо, покрытое россыпями звезд. Здесь, в горах, они казались ближе, чем на равнине. Лунный свет освещал вершину Чегета и серебряными отблесками лежал на двуглавом навершии Эльбруса.

Игорь Борисович обвел всю эту красоту восхищенным взором. Как же все это ему нравилось! А какое зрелище открывается на рассвете? Или на закате? Да что говорить! «Лучше гор могут быть только горы», как пел бард – и лучше уже не скажешь. Ничто в мире не приводило его в такой восторг, не давало такого заряда бодрости, желания жить, как зрелище горных вершин. И хотя он повидал много гор – и здесь, на Кавказе, и на Урале, и в Средней Азии, и в Европе, на прославленных альпийских курортах, – вид горных вершин никогда ему не приедался, никогда не наводил скуку.

Лида, жена, этого его увлечения не разделяла. Ходила по поселку с кислой физиономией, ворчала, вечно была недовольна. Спрашивается, какого лешего за ним сюда потащилась? Сидела бы в Москве. Там в новогодние каникулы можно найти любые развлечения. Хочешь – в театр иди, хочешь – на концерт. Хотя, конечно, понятно, зачем потащилась. Причина, можно сказать, лежала на поверхности. Откуда-то пронюхала про Настю и теперь решила любым способом помешать им приятно встретить Новый год. Ревность, ревность… Хотя вроде бы обо всем с Лидой переговорили, все выяснили. Нет, все равно – надо помешать. Вот почему плохо иметь дело с женщинами: когда вступает в свои права чувство, никакие соображения логики не действуют. Теперь Лида и нам отдых отравляет, и себе.

Вот дочь Ксюша – другое дело. Ее никакие мрачные мысли не мучили, она никому отдых не отравляет, все здесь ее радует. Впрочем, она уже не в первый раз в горах. Три года назад он вывез ее в первый раз в Альпы, в Больцано, поставил там на лыжи. Боялась, конечно, но понравилось. А сейчас сама просится. И эти поездки ей явно пошли на пользу. Все эти дурацкие увлечения, что одно время опутали его дочь – сатанизм, каббала, черные мессы, еще какая-то гадость, – все это ушло в прошлое. Был критический момент, когда ему стало казаться, что он теряет дочь, и теряет навсегда. Но нет, он справился, нашел нужный подход. Стала Ксения веселой задорной девушкой, и парни у нее появились соответствующие. И слава богу!

Лыжи торчали в снегу у входа в домик. Игорь Борисович проверил крепления (привычка, выработанная годами), взвалил их на плечо и уже направился к подъемнику, но тут его окликнули.

– Ты что, кататься пошел? – прозвучал знакомый голос.

Игорь Борисович обернулся. Из окна второго этажа высовывалась та, о которой он только что думал, – Ксюша, любимица.

– Ну да, хочу воспользоваться последними минутами, пока трасса еще работает, – отвечал Семенов.

– А что меня не предупредил? Я бы тоже пошла.

– Ну так идем! – предложил отец. – Я подожду, если не слишком долго.

– Да нет, сейчас… сейчас неудобно… – замялась дочь. – Тут у меня, понимаешь, гости…

– Понятно, – усмехнулся Семенов.

Ясное дело – у Ксении сидит ее парень, Сашка Топорков. Он остановился ниже, в поселке, на турбазе, где плата пониже. Мог бы воспользоваться его, Семенова, гостеприимством и жить, как и все, в этом домике, который они с Олегом сняли целиком. Но не захотел – гордость не позволяет. И правильно. Мужчина не должен ни в чем зависеть от девушки. Этим нынешний Ксюшин поклонник Игорю Борисовичу нравился.

– Ладно, завтра пойдем, – заверил он Ксению.

– А погоду какую завтра обещают? – уточнила дочь.

– Я час назад смотрел – обещали хорошую, – отвечал отец. – Будем надеяться, что так и будет. Хотя сама знаешь, как тут все меняется.

– Ладно, будем надеяться, – жизнерадостно ответила дочь. – Счастливо тебе покататься!

– Спасибо! – ответил Семенов и вновь двинулся к подъемнику.

Шел энергично, ни на что уже не отвлекаясь. Как и следовало ожидать, у кабинки подъемника очереди не было: кататься в столь позднее время желающих не возникло. Ну да, ведь сейчас идет последний час, когда трасса освещена, потом освещение выключат. Семенов занял место и покатил вверх. Сидя в кресле, он продолжал любоваться окружающим пейзажем.

Попадавшиеся навстречу кресла тоже были в основном пустыми. Но вот впереди показалось сдвоенное кресло, в котором сидели двое. Это были мужчина и женщина. Когда они проплывали мимо Семенова, он узнал мужчину. Это был знаменитый московский оперативник полковник Гуров – он вместе с женой отдыхал здесь же, в поселке. Игорь Борисович пару раз видел его на трассе. Катался знаменитый сыщик так себе, как новичок. И не по той трассе, что и Семенов, а по более легкой. Да, как горнолыжник Гуров был не чета Семенову, который провел в горах не один сезон и был знаком со всеми известными трассами Европы.

А вот и начало спуска! Подъемник вынес Игоря Борисовича на ярко освещенное место. Звезды над головой словно потускнели. Впрочем, он все же не звездами приехал любоваться, а спускаться.

Игорь Борисович надел лыжи и не спеша направился к началу трассы. Скольжение было отличным. Предвкушение любимого развлечения – скоростного спуска – овладело Семеновым. Но он не спешил скользнуть вниз. Постоял немного, оглядывая вершины окружающих гор.

Внезапно наплыла неприятная слабость, голова закружилась и почему-то стало холодно. Что за дьявольщина такая? Горной болезни у него быть не может – они здесь живут уже три дня, полностью акклиматизировались. И потом, он не раз хвалился перед знакомыми тем, что у него не бывает горной болезни. Наверно, просто возраст сказывается. Все-таки шестьдесят три года – не пустяк. Надо при этом учесть, что большую часть жизни он питался черт знает чем, перерабатывал и вообще вел не самый здоровый образ жизни. Это в последние годы, когда пришел достаток, а затем и настоящее богатство, он мог позволить себе серьезно заботиться о здоровье. Наследие прожитых лет, конечно, должно было сказаться. Надо будет, как только вернется в Москву, наведаться в медицинский центр. Показаться кардиологу, урологу… да всем специалистам, все пусть проверят. В его возрасте запускать здоровье нельзя.

Ладно, хватит тянуть. Раз появились неприятные симптомы, надо скорей спуститься – и в гостиницу. Там ждет ужин, бутылка отличного французского вина, общение с друзьями… Приняв такое решение, Игорь Борисович направился к началу спуска. Оттолкнулся и со все возрастающей скоростью заскользил вниз. Вот и первый поворот – плавный, совсем легкий. Дальше, он знал, предстоит достаточно сложный и крутой участок. Игорь Борисович всегда любил его проходить. Но сейчас почему-то вдруг возникло ощущение неуверенности, даже страха перед крутым спуском. Что за черт! Никогда он не боялся спуска, не боялся скорости. С самых первых шагов, еще когда занимался с инструктором, не боялся. А сейчас ему хотелось сойти с трассы, остановиться. Но здесь, на самом крутом участке, это требовало больших усилий и, опять же, уверенности в себе. А этого он в себе как раз сейчас не чувствовал. Это как в самолете – не попросишь сделать короткую остановку, выпустить пассажира, который

вдруг испугался высоты. И потом, даже если сейчас остановиться, как добираться вниз? Это на лыжах спуск занимает всего несколько минут, а пешком идти тут долго – час, наверное. Черт, он даже не представлял, сколько здесь идти пешком! Никогда такая странная мысль в голову не приходила. Только на лыжах! А если идти час, то что получится? В это время выключат освещение, так что придется идти в темноте… Так ему еще хуже будет. Нет, час он не пройдет. Надо ехать!

Перед глазами мутилось, он уже с трудом различал флажки ограждения. И опять этот озноб! Собрав последние силы, он вошел в один поворот, потом во второй. Если пройти этот крутой участок, дальше будет относительно пологий склон. Там можно будет остановиться, отдышаться. Если уж совсем плохо станет, он все же спустится пешком. Правда, займет это бездну времени, но так уж и быть. Да, надо идти пешком – что-то ему совсем плохо стало.

Голова кружилась все сильней. И перед глазами потемнело, словно фонари уже выключили. Может, их и правда выключили? Он скосил глаза, взглянул в сторону. Нет, вон фонарь горит, и вон другой. Но все равно как-то слишком темно. Неестественно темно. Но кое-что он еще видел. Вот, кажется, спуск стал пологим. Все, можно останавливаться.

Игорь Борисович с трудом остановился. Его шатало, голова кружилась все сильней. Нет, спускаться дальше нельзя. Черт, как глупо! Он даже не взял с собой сотовый. Глупо, конечно, но вот не взял. Да ведь кто мог такое предвидеть! Никто. Ладно, надо идти.

Он отстегнул крепления, снял лыжи. Поднять их на плечо, как привык, сил уже не было, и он потащил их за собой по снегу. Шагал вниз, вниз. Где же следующий флажок? Дьявол его забери, куда они дели эти флажки? Ни одного не видно. Ладно, главное – спускаться. В конце концов, это не так уж тяжело. Как говорится, спускаться – не подниматься. Но почему это с ним случилось? Может, он что-то съел за обедом? Или выпил? Да, он пил кофе.

Вдруг острая, как игла, догадка пронзила мозг. Ему что-то подсыпали в кофе! Ну да! Так просто он не мог столь внезапно заболеть. Да, но ведь кофе варила Ксения! Она не могла, нет, это исключено… А потом? Может, он пил еще что-то, уже после кофе? Ну да, как же он мог забыть! Какой-то энергетический напиток… Кто-то дал ему бокал. Но кто? Он не мог вспомнить. Возможно, это была Лида. Тогда все сходится, все встает на свои места. Она все же добралась до него! Причем где – на его любимой трассе, среди вершин! Да, жену можно поздравить: какая изощренная месть! Причем у нее есть и другая причина для мести, помимо ревности. Она вполне могла узнать о том, что он хочет изменить завещание. Да, все сходится! Но что же делать? Как что? Надо бороться, надо идти! Он дойдет, он сорвет ее планы!

Ага, вот впереди и свет. Точно, это фонари! Или один фонарь? Черт, как плохо видно… Но все равно – это свет. Наверное, это поселок. Быстро он дошел. Ну, еще несколько шагов… Фонарь должен быть где-то здесь… Но где же он? Он ведь только что его видел!

Человек в оранжевом костюме горнолыжника, с мучнисто-белым лицом, совсем не вязавшимся с этим костюмом, сделал еще несколько шагов и оказался перед обрывом. Он уже давно, как только снял лыжи, сошел с трассы и все это время брел в сторону – туда, где горел непонятный свет и зияла стометровая пропасть. В последнюю секунду он осознал свою ошибку, попытался остановиться, но тут силы совсем его оставили. Он упал на край обрыва и начал сползать вниз. Пытался удержаться, зацепиться за снег, но склон был крутым, очень крутым, а руки уже не слушались. Человек скользнул на самый край и сорвался вниз. Он увлек за собой свои лыжи, а также небольшой пласт снега – что-то вроде маленькой лавины. Хотя нет, этот снежный ком и лавиной нельзя было назвать. Вот если бы дело происходило в феврале, тогда бы лавина точно сошла.

Глава 2

В горах Гуров уже бывал. Когда отдыхали с Марией в Ессентуках, он поднимался на гору Машук, на Бештау, а потом ездил с экскурсией в район Казбека. Но в настоящем высокогорье, как здесь, ему бывать еще не доводилось. И тем более он никогда не вставал на горные лыжи. Да и не тянуло его к этому спорту, если говорить честно. Скорость, острые ощущения… Острых ощущений ему с лихвой хватало на работе. Если бы не Мария, не ее уговоры, он не стал бы надевать на ноги эти широченные доски, по недоразумению называемые лыжами. Разве это лыжи? Вот беговые лыжи – это да! В юности, в годы учебы, он не раз бегал кроссы, имел первый спортивный разряд. Там, на лыжных трассах, в нем вырабатывались те качества, которые потом пригодились в работе оперативника: упорство, настойчивость, умение преодолевать собственную усталость, делать что-то через «не могу».

В общем, отдых в горах особого восторга у него не вызывал. Да, красиво, и воздух хороший. Но у них в Подмосковье, где-нибудь в Серебряном Бору, тоже красиво, и воздух ничуть не хуже. Марии он этого говорить, конечно, не стал, чтобы не расстраивать, но сам потихоньку считал дни, которые оставались до отъезда. Дней оставалось всего пять. Как раз к девятому января, к окончанию этих длинных зимних каникул, они должны были вернуться в Москву.

И тут произошло неожиданное событие. Как раз третьего вечером они вернулись в отель (Мария настояла, чтобы они хоть раз попробовали покататься вечером), а там жену ждала телеграмма из театра. Оказывается, пришло срочное приглашение на гастроли в Германию, и, конечно, без нее театр обойтись не мог. Уже четвертого, в крайнем случае пятого ее ждали в Москве. Уже и билеты были куплены, и виза оформлена.

Мария была расстроена, а Гуров обрадовался. Ну их, эти горы! Долгие выходные можно догулять и дома. Он решительно заявил, что один он здесь не останется, тоже уедет.

Они начали готовиться к отъезду. Автобус отходил на следующий день как раз перед обедом, и они как раз успевали в Минеральные Воды к московскому рейсу. Поскольку рано выезжать было не надо, вечером уложили только часть вещей, основные сборы отложили на утро. А еще утром Мария запланировала совершить прогулку по окрестностям – «попрощаться с горами», как она выразилась.

Однако все вышло не совсем так, как намечалось. Даже совсем не так. Они позавтракали, уложили вещи и как раз вышли из отеля, чтобы направиться на запланированную прогулку. Но тут Мария вспомнила, что забыла в номере фотоаппарат, и вернулась за ним. Гуров остался один. И тут он увидел, что к нему спешит какой-то человек. Это был мужчина лет пятидесяти, высокий, черноволосый, представительной внешности. В нем сразу было видно «человека с положением». Наметанным взглядом оперативника Гуров определил занятие незнакомца: или чиновник высокого ранга, или преуспевающий бизнесмен.

Впрочем, сейчас было заметно, что этот преуспевающий человек находится в большом расстройстве и чем-то крайне взволнован.

– Простите, что беспокою, – начал он, подойдя к сыщику, – но у меня к вам совершенно неотложное дело.

Он говорил с легким гортанным акцентом, едва уловимым. «Местный, что ли?» – подумал Гуров.

– Ведь вы – Лев Иванович Гуров, я не ошибаюсь? – продолжил между тем незнакомец.

– Да, я Гуров, – отвечал оперативник.

– Меня зовут Абуладзе Олег Вахтангович, – представился мужчина. – А дело у меня вот какое. Мы живем в домике чуть выше поселка – пансионат «Вершина», знаете?

– Да, я слышал, – сказал Гуров.

– Нас там несколько человек. Но главным был Игорь Борисович Семенов. Он человек известный, создатель и владелец транспортной компании «СИБ-Транс». Не слышали о такой?

– Да, что-то слышал, – отвечал Гуров, припомнив огромные грузовики с броской надписью на борту. – Так в чем дело? Что вас так обеспокоило?

– Дело в том, что вчера вечером Игорь ушел кататься – и не вернулся. Мы, конечно, отправились его искать. Подъемники уже не работали, но мы уговорили администрацию их включить. Поднялись на гору, прошли весь спуск – нигде никаких следов. Он словно сквозь землю провалился! Я, естественно, позвонил в полицию в Тырныауз. Сегодня утром они приехали, снова начали искать… и нашли его в стороне от трассы, под скалами.

– Разбился? – спросил Гуров.

– Да, – кивнул Абуладзе. – Упал с высоты свыше ста метров.

– Это, конечно, очень печально, – сказал Гуров, – но я не понимаю, чего вы хотите от меня. Налицо явный несчастный случай. Расследовать тут, как я понимаю, нечего.

– Вот и полицейские так говорят, – кивнул Абуладзе. – Не хотят возбуждать дело, не хотят ничего проверять, ничего расследовать. Даже вскрытие проводить отказались. Выписали свидетельство о смерти – и все. «Везите, – говорят, – вашего покойника в Москву и спокойно предавайте тело земле».

– А вы с ними не согласны?

– Категорически не согласен! – решительно заявил Абуладзе. – Поймите, с Игорем не могло такого случиться! Просто не могло! Он отличный спортсмен… был… Всегда отличался крепким здоровьем. Ну, конечно, небольшие недомогания случались – все-таки ему было шестьдесят три. Простата пошаливала, сердце иногда давало о себе знать. Но это все в пределах нормы. Никогда с ним не было никаких обмороков, помрачений сознания. Я сегодня, уже при свете дня, еще раз поднялся наверх, нашел то место, где он сошел с трассы и свернул к скалам. Убедился, что разметка трассы в порядке, ее хорошо видно. Чтобы попасть на скалы, ему надо было пройти около трехсот метров совершенно в другую сторону. И он их именно прошел, а не проехал на лыжах – снег там относительно мягкий, и следы видны. Почему он снял лыжи, почему свернул в сторону? Все это совершенно необъяснимо! И я хотел бы, чтобы вы в этом разобрались.

– Но, возможно, ваш знакомый сам принял такое решение, – пожал плечами Гуров. – Бывают, знаете, такие ситуации, когда человек, даже вполне успешный, решает, образно говоря, снять лыжи. Может, он сам выбрал этот путь к пропасти?

– Этого не может быть! – убежденно воскликнул Абуладзе. – Он человек исключительно жизнелюбивый, целеустремленный. Никогда у него не было всяких там мрачных мыслей, размышлений о тщете всяких усилий… Наоборот! Когда у его дочери возникло такое настроение – это несколько лет назад было, – Игорь бросил все силы, все сделал, чтобы вытащить ее из этого болота. И вытащил! Сейчас Ксюша – совершенно нормальная девушка, жизнерадостная, как и ее отец… был… Нет, я не могу, не могу к этому привыкнуть! – словно извиняясь, воскликнул Абуладзе. – Не мог Игорь совершить самоубийство! Прошу вас – расследуйте это дело! Вы здесь живете, отдыхаете. Ведь вы можете часть своего времени потратить на изучение обстоятельств гибели Игоря? Я не хочу заводить речь о вознаграждении…

– И не заводите, – сказал Гуров.

– Но какие-то расходы неизбежны. Например, вскрытие. Экспертиза. Возможно, вам потребуются помощники. В общем, любые расходы будут оплачены.

– Но вы ошибаетесь, – сказал Гуров. – Насчет того, что я здесь отдыхаю. Тут жене пришла телеграмма, ее срочно вызывают в Москву. Мы сегодня в обед уезжаем.

– Вот как… – медленно произнес Абуладзе. Вид у него был растерянный. Он был похож на человека, опоздавшего к поезду. – Значит, это убийство так и останется не раскрытым…

– Почему вы считает, что это было убийство? – спросил Гуров.

– Но я же вам говорил! В несчастный случай я не верю. Для него не было никаких причин. Видимость вчера была отличной, у Игоря было прекрасное зрение. Он не мог выкатиться за флажки, сойти с трассы. Просто не мог! И покончить с собой тоже не мог. Для этого не было никаких мотивов. Значит, ему кто-то помог.

– Вы считаете, что его столкнули?

– Или столкнули, или как-то заманили туда, на край обрыва. Он был человек очень отзывчивый. Допустим, он услышал чей-то крик… призыв о помощи… Тогда – да. Он мог пойти. И тогда понятно, почему он снял лыжи: там нет трассы, рядом обрыв… Он был человек смелый, но не безрассудный. Он мог снять лыжи, подойти… Ну, а дальше… Я не знаю, что там дальше случилось, – Абуладзе сделал характерный жест рукой, выдававший его южный темперамент. – Но одно я знаю точно: он оказался под обрывом не по своей воле!

– А лыжи?

– Что лыжи?

– Лыжи его где нашли?

– Тоже там, под обрывом. Но далеко от тела. Одна вообще метров на двести отлетела.

– Понятно… – медленно произнес Гуров. – Да, интересная история. Если бы я не уезжал, обязательно бы ею занялся. А так… Когда вы собираетесь отправлять тело?

– Мы заказали цинковый гроб, – объяснил Абуладзе. – Обещали завтра доставить. Вот завтра, пятого января, и повезем.

– Завтра… Ладно, я еще подумаю, – сказал Гуров.

– Тогда я буду ждать, – отвечал Абуладзе. – Вы найдете меня там, в пансионате.

И он, повернувшись, направился обратно. Как раз в это время из отеля вышла Мария с фотоаппаратом в руках.

– Кто это? – спросила она.

– А, так, один человек, – ответил Гуров, стараясь изобразить безразличие.

Однако врать жене ему никогда не удавалось, да к тому же у них это было не принято.

– Что же этому «одному человеку» было нужно? – продолжала допытываться Мария.

– Так, ничего особенного. Просто он меня узнал, вот, решил поговорить… О горах, о катании…

– А он случайно не предлагал тебе поучаствовать в раскрытии какого-нибудь преступления? – спросила жена. – Связанного с катанием?

– Откуда ты знаешь? – искренне удивился он, выдавая себя.

– Ниоткуда, – отвечала она. – Просто я тебя знаю. И когда вижу у тебя на лице такое особенное выражение, я понимаю: муж влез в очередное расследование. И теперь раскладывает по полочкам все обстоятельства. Так что хватит врать, давай рассказывай – что за человек и чего хотел.

Деваться было некуда, и Гуров передал Марии разговор с Олегом Абуладзе.

– Ну, и над чем ты тут размышляешь? – спросила жена, когда он закончил. – Ясно ведь, что это несчастный случай. Или же самоубийство.

– Нет, что-то здесь не так, – покачал головой Гуров. – Понимаешь, я вспомнил одну вещь. Когда мы с тобой вчера возвращались с трассы, нам навстречу попался человек, который ехал наверх, кататься. Я сейчас думаю, почти уверен, что это был этот самый погибший Семенов. Больше никто ведь наверх не ехал, поздно уже было.

– Ну и что? – спросила Мария. – Может, это и правда был тот человек. Что это меняет?

– Понимаешь, я успел его немного разглядеть, – объяснил Гуров. – Он на меня тоже смотрел и, кажется, узнал. Так вот, он был такой веселый, довольный… полный энергии… Кажется, даже напевал что-то. Он совершенно не походил на человека, который собирается покончить с собой. Или на больного, с которым может случиться обморок.

– Ерунду говоришь, – возразила Мария. – Обморок может случиться с каждым. Так мы идем гулять или не идем?

– Идем, конечно, – согласился Гуров. – И насчет обморока ты права. Но мне хочется посмотреть. На это место, где он свернул с трассы, на него самого.

– В общем, чутье меня не обмануло, – подытожила Мария. – Ты уже влез в это дело с головой. Только вид делаешь, что еще колеблешься и раздумываешь. Значит, ты хочешь остаться?

– Да, я, пожалуй, останусь до конца выходных, если ты не обидишься, – сказал Гуров.

– Почему я должна обижаться? – пожала плечами Мария. – Ты что, забыл? Это ведь я вчера уговаривала тебя остаться, а ты упрямо твердил, что горы тебе надоели и в Москве будет лучше. Конечно, оставайся. Подышишь еще немного целебным горным воздухом, полюбуешься этой красотой. А заодно займешься любимой работой. Может, преступление раскроешь, восстановишь справедливость.

– Насчет справедливости я сомневаюсь, – сказал на это Гуров. – Восстановить ее редко удается, даже когда преступление раскрыто. Но разобраться хочется.

Глава 3

Посадив жену на автобус, Гуров направился вверх по ущелью, туда, где находился пансионат «Вершина». Они с Марией уже проходили мимо этого здания, но в отдалении. Теперь же ему предстояло рассмотреть его подробнее.

Пансионат ему понравился. Сразу было видно, что денег на его отделку не жалели. Тщательно оштукатуренные стены, гранитная облицовка понизу, стропила из мореного дуба, такие же наличники окон, аккуратно выложенные каминные трубы – все это делало «Вершину» похожей на швейцарские шале. В таком доме было приятно отдыхать.

Однако было незаметно, чтобы обитатели пансионата беззаботно отдыхали. Не было видно ни одного человека, не слышалась веселая музыка, которая обычно звучит на горных курортах.

Гуров толкнул тяжелую дверь и вошел в уютный холл. Он был пуст. Но пока сыщик оглядывался, размышляя, где искать обитателей пансионата, послышались шаги, и в холл вошел его давешний собеседник.

– Вы все же пришли! – воскликнул он. – Как я рад! Значит, вы решили заняться нашим делом?

– Да, мне захотелось выяснить кое-какие моменты, – отвечал Гуров. – А также взглянуть на место, где все это случилось, и на самого погибшего. Но вначале давайте вы мне подробно расскажете о тех, кто приехал на курорт вместе с Семеновым и живет сейчас в пансионате. Ведь вы сняли его целиком – я правильно понял?

– Да, совершенно правильно, – кивнул собеседник. – Сняли мы напополам с Игорем. Что ж, давайте присядем, и я вам все расскажу.

Они сели в удобные кожаные кресла возле камина. Сейчас огонь в нем, правда, не горел – ведь вечер еще не наступил, – но аккуратно сложенные дрова говорили о том, что за камином следят и спустя несколько часов он превратится в очаг уюта.

– Давайте начнем с меня, – предложил собеседник Гурова. – Итак, меня зовут Олег Вахтангович. Я владею сетью ресторанов «Колхида» – они расположены не только в Москве, но и в Петербурге, Ярославле и ряде других городов. Игорь Семенов был моим давним другом. Дружим мы с давних пор, уже двадцать лет. Впервые познакомились в начале 90-х, на курсах по основам бизнеса при Высшей школе экономики. Игорь был ученым, математиком, я – гуманитарий, литературовед, специалист по средневековой литературе. В то время наши профессии одновременно перестали приносить какой-либо доход, и мы оба обратили свои взгляды к предпринимательству. У нас оказалось много общего, и мы подружились. С тех пор мы регулярно встречаемся, вместе отдыхаем, дружим семьями. Правда, семья в полном смысле слова есть только у Игоря… была то есть. Я несколько лет назад расстался с женой, пока живу один…

– И здесь вы тоже отдыхаете один? – уточнил Гуров.

Этот простой вопрос неожиданно привел владельца сети ресторанов в смущение.

– Один… – пробормотал он. – Нет, не совсем… одному неудобно… тут со мной одна девушка…

– Понятно, – остановил его Гуров. – Ваша личная жизнь меня не интересует. А кто приехал сюда с Семеновым?

– С ним приехали несколько человек, – начал объяснять Абуладзе. – Это прежде всего его жена Лидия и дочь Ксения. Кроме того, приехал его подчиненный, первый заместитель директора компании Глеб Николаевич Молчанов и помощник и телохранитель Семенова Павел Зорькин.

– Значит, если я правильно понял, в пансионате поселились вы с вашей девушкой и еще пять человек, включая Семенова?

– Да, все так.

– Расскажите мне, только коротко, в каких отношениях находятся между собой эти люди, – попросил Гуров. – И дайте каждому краткую характеристику.

– Хорошо, я попробую, – согласился Абуладзе. Затем он оглянулся на окружавшую холл галерею, убедился, что на ней никого нет и никто не может его услышать, и начал рассказ: – Сначала, конечно, надо сказать о Лиде. Она на пять лет моложе Игоря. Но для женщины такой возраст… сами понимаете. В прошлом она по профессии проектировщик. Но уже лет пятнадцать не работает – с тех самых пор, как Игорь стал зарабатывать приличные деньги. Занимается коллекционированием картин, драгоценностей… разными вещами.

– Меня не слишком интересуют увлечения вдовы погибшего, – остановил его Гуров. – Прежде всего меня интересуют их отношения. Они были такими, как должны быть у супругов?

– У супругов… – медленно произнес Абуладзе. Он явно находился в затруднении. – Ну, у супругов бывают очень разные отношения…

– Нет, давайте все-таки скажите что-то более определенное, – настаивал Гуров. – Так и быть, я вам помогу. Под отношениями, которые должны быть у супругов, я понимаю любовь, желание общаться, стремление помочь. Когда люди делятся друг с другом и горем, и радостью. Так вот: у погибшего Семенова с женой были такие отношения?

– Нет, если вы о таких – нет, их не было, – покачал головой Абуладзе. – Уже лет пять, наверное, как между ними наступило охлаждение. Это не сразу началось, постепенно. Ну, известную роль сыграл возраст Лидии Евгеньевны. Сами понимаете, интимная близость между ними была уже невозможна… а потом как-то прекратилась и любая близость.

– Но они общались, разговаривали?

– Да, конечно, разговаривали, но…

– Семенов не был с женой вполне откровенен?

– Да, это надо признать. Он многое от нее скрывал.

– Понятно. Позже мы еще вернемся к этому вопросу. Я должен знать все, до мельчайших подробностей. А пока давайте поговорим о других.

– Хорошо, давайте о других. Значит, Ксения, дочь Игоря. Она девушка очень волевая, самостоятельная. Как и отец, увлекается горными лыжами.

– В каких отношениях она была с отцом?

– В отличных отношениях. Просто в прекрасных! Вот здесь была настоящая любовь: отцовская – со стороны Игоря и дочерняя – со стороны Ксюши. Насколько я знаю, они много и охотно разговаривали, делились друг с другом…

– У Ксении есть молодой человек?

– Да, конечно. Его зовут Саша, фамилию не помню. Студент, кажется. Он тоже сюда приехал, вслед за Ксенией. Только живет не в пансионате, а на какой-то турбазе.

– Так, и у нас остались еще два человека, живущие здесь, в «Вершине». Расскажите немного о них.

– Да я много и не могу, – признался Абуладзе. – Телохранителя я мало знаю. Видел, конечно, но не более того. Крепкий, исполнительный… Что еще можно сказать? А что касается этого заместителя, Молчанова, то о нем я вообще ничего не могу сказать. Я его только здесь в первый раз и увидел. Что он за человек, мне неизвестно. Нет, пожалуй, одно все же скажу: что он вполне оправдывает свою фамилию. Все больше молчит.

– Ладно, для начала этого хватит, – решил Гуров. – Теперь я хотел бы взглянуть на тело погибшего.

– Идемте, – сказал ресторатор. – Оно не здесь. Недалеко есть ледник, его туда положили.

Они вышли из здания и направились к расположенному неподалеку приземистому строению. Абуладзе открыл дверь, и в нос сыщику ударил хорошо знакомый запах, говорящий о том, что в помещении находится покойник.

– Обычно владелец пансионата хранит здесь рыбу и фрукты, – тихо произнес Абуладзе. – Но сейчас они все это убрали, распихали по холодильникам. Теперь здесь только Игорь.

Погибший владелец компании лежал в центре помещения, завернутый в большой кусок брезента. Гуров приподнял его верхнюю часть. «Да, здорово ему досталось…» – подумал он, увидев, что стало с предпринимателем после падения со скалы. Вся правая сторона головы была разбита, глаз исчез. Тем не менее Гуров сразу узнал того человека, который вчера ехал вечером кататься. Его предположение оказалось верным: вчера он действительно встретился с Игорем Семеновым. В первый и последний раз… Гуров открыл брезент дальше и убедился, что пострадала вообще вся правая сторона тела – рука неестественно торчала, ребра, по всей видимости, тоже были сломаны.

Он вновь накрыл покойного и повернулся к ресторатору.

– Как я понял, врач его смотрел? – спросил он.

– Да, из Тырныауза приезжала бригада – лейтенант полиции, врач, фотограф, – подтвердил ресторатор. – Врач провел осмотр и выписал свидетельство о смерти. Записал, что смерть произошла в результате несчастного случая, как я вам уже говорил. А лейтенант заявил, что случай очевидный, следствие проводить не будут, уголовное дело возбуждать тоже.

– А как фамилия этого лейтенанта?

– Да, я записал, – кивнул Абуладзе. – Сейчас…

Он достал из кармана куртки блокнот, полистал и, найдя нужную страницу, прочитал:

– Касыгов Александр Исрапилович.

– А телефон его у вас есть?

– Да, телефон я тоже взял, – подтвердил Абуладзе.

– Врач не находил на теле повреждений, полученных до наступления смерти? Побоев, следов ударов?

– Как я понял, нет, ничего такого не было.

– Хорошо, телефон я потом у вас спишу, – сказал Гуров. – Что ж, здесь я все посмотрел, теперь пойдемте на трассу. Только знаете что? Где его лыжи?

И он кивнул в сторону тела, накрытого брезентом.

– Лыжи, лыжи… – задумался ресторатор. – А, вспомнил! Наверно, они там же, где все вещи, – в его комнате. Пойдемте.

Они вышли, Абуладзе запер ледник, и они вернулись в пансионат. Комната, которую занимал погибший, находилась на втором этаже. Они поднялись по лестнице, изготовленной из какого-то дорогого дерева – не покрашенного и даже не покрытого лаком, а только обработанного особым образом, что лучше выявило его структуру, – и двинулись по галерее, которая огибала холл. Когда они проходили мимо одной из дверей, Гуров услышал доносившийся из-за нее сдавленный тоскливый вой. В этом звуке было столько неподдельной муки, столько горя, что Гуров невольно остановился.

– Это кто там? – шепотом спросил он Абуладзе. – Жена? Или дочь?

– Нет, это нет… – вновь смутился ресторатор. – Это Настя Мельникова. Переживает очень…

– А кто эта Настя? – спросил Гуров. – Вы о ней не говорили.

– Нет, я говорил, – поправил его Абуладзе. – Вы только имени ее не спросили. Настя – это моя девушка, с которой я приехал.

– А, вот что! Но как-то странно… Она что, хорошо знала покойного?

– Да, очень хорошо! – подтвердил собеседник. – Игорь нас с ней и познакомил.

– Понятно… – кивнул Гуров. – Значит, это ваша комната тоже?

– Нет, моя нет… – пробормотал Абуладзе. – Моя – следующая. Все-таки, понимаете, мы не муж и жена…

– А что, в семье Семенова такие строгие нравы? – удивился Гуров. – Сейчас на это вроде смотрят проще…

Эти слова Гурова привели владельца сети ресторанов в еще большее смущение.

– Да, тут строго… – пробормотал он. – Тут… они…

Он явно не знал, что сказать. Однако в этот момент произошло одно событие, которое помогло ему выйти из неловкого положения. На другой стороне галереи открылась дверь, и из нее вышла дама.

Это была именно дама, а не просто женщина. Точеное лицо с умело наложенным макияжем, сложная прическа, длинное платье, нитка жемчуга на шее, жемчужные серьги в ушах – с таким обликом она могла смело направляться на прием, например, в «Президент-отель».

Красавица внимательно взглянула на Гурова и его спутника и направилась в их сторону. Когда она приблизилась, Абуладзе обратился к ней:

– Лидия… позвольте представить вам знаменитого сыщика, полковника Льва Ивановича Гурова. Я вам о нем говорил. Лев Иванович отдыхает в поселке. И он любезно согласился проверить обстоятельства гибели Игоря.

Произнеся эту тираду, он повернулся к Гурову и произнес:

– А это Лидия Евгеньевна Семенова. Жена… впрочем, теперь уже вдова Игоря.

– Очень приятно, – сказала вдова, протягивая сыщику руку. Он мог бы поклясться, что рука была протянута для поцелуя, прямо как в фильмах «про прежнюю жизнь». Однако Гуров, будучи человеком простым, руку только пожал.

– Хорошо, что гибель Игоря будет изучена таким известным специалистом, – продолжала вдова. – Чтобы потом не было никаких недомолвок. Хотя я, признаться, не понимаю, какие тут могут быть сомнения. Все ясно как день. Поэтому, когда Олег мне утром сказал, что хочет к вам обратиться, я сперва была против. Но потом подумала и решила, что так действительно будет лучше. Чтобы потом никто не мог бросить тень. А то сейчас много развелось любителей копаться в чужой личной жизни. В том числе в чужих трагедиях. Мы все очень тяжело переживаем смерть Игоря – и я, и моя дочь…

В момент, когда Лидия Евгеньевна произносила эти слова, из комнаты, возле которой они стояли, вновь донесся стон, полный боли. Гуров заметил, как при этом скривился рот у прекрасной вдовы.

– Да все, кто здесь живет, тяжело переживают эту утрату, – закончила Лидия Евгеньевна свою фразу. – Хотя некоторым, – она покосилась на дверь комнаты, – стоило бы проявлять немного сдержанности. И такта. И не изображать то, чего нет. Во всяком случае, я желаю вам всяческих успехов в вашей работе, – закончила вдова.

После этого она прошла дальше по галерее и скрылась в последней из комнат. Мужчины проводили ее взглядом. Впрочем, провожал взглядом только один Абуладзе, а Гуров скорее следил за выражением лица ресторатора. И это выражение его немного удивило. Олег Вахтангович смотрел вслед прекрасной вдове с выражением, в котором удивительным образом соединялись восхищение и брезгливость.

Глава 4

Захватив в комнате погибшего его лыжи (одна из них треснула вдоль, у другой было сломано крепление), Гуров и Абуладзе направились к подъемнику.

– Если я не ошибаюсь, Семенов катался не только вчера вечером, он каждый вечер отправлялся на трассу? – спросил Гуров по дороге.

– Да, Игорь страстно увлекался горными лыжами, участвовал в соревнованиях – конечно, на любительском уровне, – отвечал ресторатор. – И старался не пропустить ни одного часа, когда имелась возможность покататься.

– Вы наверняка не раз наблюдали, как он собирается на трассу, – продолжал Гуров. – Ведь так?

– Да, я видел это много раз, – кивнул Абуладзе.

– У каждого спортсмена, который внимательно относится к своему делу, есть своего рода ритуал подготовки, – сказал Гуров. – Те, кто занимается лыжными гонками, например, измеряют температуру снега, выбирают смазку, наносят ее. А горнолыжники, я знаю, внимательно проверяют крепления. Семенов это делал?

– Да, обязательно. А почему вы об этом спрашиваете?

– Мне надо точно представить картину того, как ваш друг вчера отправился кататься, – объяснил сыщик. – Я должен знать все обстоятельства. Тут нет мелочей! И я хочу, чтобы вы мне помогли восстановить все детали вчерашнего вечера.

– Я охотно все расскажу, – кивнул ресторатор.

– Итак, ваш друг проверил крепления. А что еще он делал?

– Ну, он надел костюм… То есть сначала надел костюм, потом вышел из пансионата и проверил крепления… Надел очки… Вот, кажется, и все.

– Скажите, а он ничего не пил перед выходом?

– Вы имеете в виду спиртное? Нет, ни в коем случае! Игорь никогда так не поступал. Он относился к горам крайне ответственно. И вообще он никогда не злоупотреблял…

– Вы меня не поняли, – остановил его Гуров. – Я имел в виду не только спиртное. И даже вовсе не спиртное. Знаете, иногда люди что-то едят. Такой, знаете, перекус. Пьют кофе…

– А, вы об этом! Нет, непосредственно перед выходом Игорь ничего не ел. Но за полтора часа до этого у нас было нечто вроде полдника.

– Бутерброды?

– Нет, никаких бутербродов. Мы все сторонники здорового питания, а Игорь особенно. Овощные и фруктовые салаты, соки… Игорь особенно любил такой тропический салат – манго, папайя, персики. И еще креветки.

– А пил он, значит, только сок?

– Нет, не только сок, еще чашку кофе.

– А кто вчера варил этот кофе?

– Кто варил… – Абуладзе задумался. – Дайте вспомнить… Может, я? Хотя нет. Или Лидия? Нет, знаете, не могу вспомнить. А почему это так важно?

– Все может быть важно. Постарайтесь все же вспомнить. Если получится, скажите мне, ладно?

– Обязательно! – заверил его ресторатор.

Тем временем они дошли до подъемника, отстояли небольшую очередь – был разгар дня, и все обитатели долины устремились на трассы, – потом забрались в кресла и отправились на гору. Вниз уплывали сверкающие снежные склоны, ярко светило солнце. Впереди и позади их раздавались веселые голоса, смех, и не верилось, что здесь произошла трагедия, а возможно, и преступление.

Однако Гурова, как видно, эта курортная обстановка не расслабляла, и в преступление ему вполне верилось.

– Скажите, кто первым заметил вчера долгое отсутствие Семенова? – спросил он.

– Первым, первым… – вновь задумался его спутник. – Да, вспомнил! Первой забеспокоилась Ксюша, его дочь. Мы все – то есть я, Настя, Лидия, Молчанов – сидели в гостиной, ждали Игоря, чтобы сесть ужинать. Смотрели телевизор. И тут Ксения вышла из своей комнаты и сказала: «Смотрите, как темно! А папы все нет». Тогда Лидия отозвалась: «А ты ему позвони. Может, он уже спустился и с кем-нибудь беседует». Ксения ей на это заметила: «Ты будто не знаешь, что папа никогда с собой телефон не берет. Хочешь, проверю?» Она набрала номер отца, и действительно, мы услышали, как телефон отозвался – из его комнаты…

– Так, а дальше?

– Прошло еще минут пять. Ксения обратно к себе уже не ушла. Все ходила по гостиной, смотрела за окно. Потом заявила: «Ну, вы как хотите, а я пойду папу искать». Я, конечно, сказал, что пойду с ней. С нами пошли также Саша – я вам о нем уже говорил, это молодой парень, поклонник Ксении, он у нее сидел в тот вечер, – а еще Настя и Павел, помощник Семенова.

– Значит, всего пошли пять человек?

– Да, мы пошли впятером. Дошли до подъемника. Все думали, что он вот-вот попадется нам навстречу, но этого не случилось. Подъемник уже не работал. Тогда я отправился к механику и попросил его включить. Это оказалось непросто. В конце концов я ему попросту заплатил, и мы смогли поехать наверх. Стояла уже глубокая ночь. В этой темноте мы прошли всю трассу, до самого низа, но Игоря так и не нашли. К этому времени я уже понял, что случилось несчастье. И когда мы вернулись в пансионат и выяснили, что Игоря нет и там, я убедил Лидию позвонить в Тырныауз, в полицию. Она так и сделала. Но мы, конечно, не могли просто так лечь спать. Решили пройти по всем гостиницам, пансионатам. Была такая надежда, что он вдруг встретил на трассе кого-то знакомого и тот зазвал его к себе в гости. И мы пошли его искать…

– Так впятером и ходили?

– Да, почти до самого утра. А утром…

– Нет, про сегодняшнее утро вы расскажете потом, – прервал его Гуров. – А сейчас скажите мне вот что: Семенов был богатым человеком?

– Да, очень богатым, – заверил Абуладзе. – Его состояние в настоящий момент оценивается примерно в тридцать-сорок миллионов.

– Ну, это не так много, – заметил Гуров.

– Нет, вы, наверно, меня не поняли, – уточнил ресторатор. – Я имел в виду доллары. В рублях это будет свыше миллиарда.

– И кому достанется это состояние?

– Вообще-то это информация конфиденциальная… – сказал Абуладзе, понизив голос, словно в кресле подъемника кто-то мог его услышать. – Я об этом знаю, потому что Игорь со мной поделился как с ближайшим другом…

– Давайте договоримся так, – строго сказал ему Гуров. – Или я начинаю вести расследование – и тогда вы сообщаете все сведения, которые мне нужны и которые у вас имеются. Или вы сообщаете лишь то, что, по вашему мнению, можно рассказать, что не составляет семейную тайну, что никому не повредит и так далее, – но рассказываете это все кому-то другому. Не мне. Потому что я в таком случае никаким расследованием заниматься не буду. Никаких умолчаний, никакой «конфиденциальной информации» быть не должно. Я должен знать абсолютно все! Так что давайте решайте.

– Нет, вы меня не так поняли! – воскликнул ресторатор. – Конечно, я вам все расскажу. Я просто хотел сказать, что об этом пока никто не знает. Так вот, несколько лет назад у Игоря возникли проблемы с сердцем. Позже эти проблемы усилились, и в позапрошлом году у него

случился инфаркт. А тогда, четыре года назад, Игорь, естественно, забеспокоился и решил принять меры. Ксения была тогда совсем еще ребенком, ей было только шестнадцать…

– А сейчас ей сколько? – прервал его Гуров.

– Сейчас двадцать исполнилось.

– Значит, проблемы возникли ровно четыре года назад?

– Совершенно верно. Так вот, поскольку Ксения еще не могла самостоятельно распоряжаться большими деньгами, Игорь решил так: все свое состояние он завещал жене. А на имя Ксении положил в банк некоторую сумму – по-моему, около ста тысяч долларов. Ну, и еще какие-то деньги он положил на имя сына от первого брака и на имя своей бывшей жены – ведь Лидия у него вторая. Делая так, Игорь полагал, что в случае, если с ним что-то случится, Лидия сумеет распорядиться деньгами, сохранит компанию и сможет затем обеспечить Ксюшу. Но в последний год, когда Ксюша выросла, он хотел изменить завещание.

– Он вам об этом говорил?

– Да, мы несколько раз об этом разговаривали. Он говорил, что Ксения очень изменилась за последние годы, вся эта чернуха, которая ее мучила, исчезла, и теперь ей можно доверить распоряжаться значительными средствами. Он хотел составить завещание иначе: чтобы жена и дочь владели равными долями имущества. А еще он хотел значительные средства оставить на нужды благотворительности. Даже фонд специальный собирался учредить для этих целей.

– Лидия, естественно, знала о первом завещании?

– Да, конечно.

– А о планах мужа изменить его?

– Вот этого я не знаю, – признался ресторатор.

– Вы упомянули о каких-то проблемах, которые были у дочери Семенова, – сказал Гуров. – Мне бы хотелось… Впрочем, давайте отложим этот разговор, – прервал он сам себя. – А то, я вижу, мы уже приехали.

Действительно, подъемник доставил их наверх, к началу трассы. Здесь было многолюдно. Горнолыжники в ярких костюмах направлялись к началу спуска. Туда же двинулись и Гуров с Абуладзе.

– Вот отсюда Игорь должен был спускаться вчера вечером, – сказал ресторатор, указывая на склон, обозначенный флажками и яркими ленточками ограждения. – И, видимо, начал спускаться. Подтвердить это никто не может – на горе в тот момент никого не было.

– А где находятся скалы, с которых он упал? – спросил Гуров.

– Там, ниже, – показал Абуладзе. – Отсюда это место не видно. Надо спуститься.

– Что ж, давайте спустимся, – сказал Гуров.

Они вышли за флажки, чтобы не мешать лыжникам, и двинулись вниз. Местами спуск был очень крутой, так что приходилось идти осторожно. И все время, пока они шли, мимо них с легким шорохом скользили вниз горнолыжники.

Наконец спустя двадцать минут они вышли к месту, где трасса делала крутой поворот налево. А справа темнели зубцы скал.

– Вон там находится место, откуда он сорвался, – показал Абуладзе.

– Здесь, наверное, около трехсот метров, – оценил расстояние Гуров.

– Да, примерно так, – согласился с ним ресторатор.

Они свернули к скалам. Сыщик шел медленно, то и дело сворачивая в сторону и вглядываясь в снег. Наконец он совсем остановился и присел на корточки.

– Что вы увидели? – спросил, подходя к нему, Абуладзе.

– Вот, смотрите, – Гуров показал ему на две полоски, которые тянулись по снегу. – Как, по-вашему, что могло оставить такой след?

– Выглядит так, будто по снегу провели палкой, – заметил ресторатор.

– Но кто бы стал идти триста метров, ведя по снегу палкой? – спросил Гуров. – Причем делать это надо с большой силой – снег-то плотный. Не проще ли предположить, что по снегу что-то волочили? Например, вот эту лыжу.

И он показал треснувшую лыжу Семенова, которую держал в руках.

– Впрочем, сейчас мы проверим мое предположение, – сказал он.

Сыщик взял в руки конец лыжи и пошел к пропасти, волоча второй конец по снегу. Пройдя так десяток метров, он остановился и оглянулся. Позади тянулся неровный след – точь-в-точь такой же, какой они обнаружили.

– Значит, он снял лыжи еще там, у поворота! – воскликнул Абуладзе. – Снял – и пошел к пропасти! При этом он не нес лыжи на плече – он так всегда делал. Игорь никогда не волочил лыжи за собой. Да и никто из горнолыжников так не делает. Но почему? Зачем?

– Вот на эти вопросы мы и должны ответить, – заметил Гуров.

Они пошли дальше и вскоре вышли к скалам. Отсюда открывался красивый, но в то же время устрашающий вид – совсем не такой, как от начала спуска. Прямо из-под ног уходила вниз стометровая, почти отвесная стена. На другой стороне ущелья виднелась еще одна пропасть, даже более глубокая.

– Вот там мы его нашли, – сказал Абуладзе, показывая вниз. – Прямо под нами.

– И вы считаете, что кто-то вашего друга столкнул?

– Ну да! Иначе почему он упал?

– А вы тут много раз ходили? Здесь, наверху? – спросил Гуров.

– Нет, не очень, – ответил ресторатор.

– Это хорошо. Тогда стойте здесь, где сейчас стоите. А я похожу, посмотрю.

И он начал обследовать площадку возле скал, внимательно приглядываясь ко всем следам на снегу. Несколько раз он возвращался на прежнее место, сравнивал что-то, потом шел дальше. Так прошло минут двадцать. Затем Гуров вернулся к своему спутнику.

– Нет, вряд ли его толкали, – заметил он. – Нет никаких следов борьбы. Когда кого-то толкают или тащат, следы обязательно остаются.

– Но, допустим, Игорь не ожидал нападения, – стал рассуждать Абуладзе. – Возможно, человек, которого он здесь встретил, вызывал у него доверие. А может быть, он его даже знал. Игорь подошел, заговорил с ним – и тот его внезапно толкнул в пропасть. Тогда следов борьбы может и не быть.

– Да, возможно, – согласился Гуров. – Очень правдоподобное рассуждение. Тем более что кое-какие следы я все же нашел.

– Нашли? Где? – в волнении воскликнул Абуладзе.

– Вон там, немного в стороне, – показал Гуров. – Такое впечатление, что там кто-то стоял. А может, даже сидел на камнях.

– Значит, там остались отпечатки? И по ним можно найти убийцу!

– Вряд ли, – Гуров с сомнением покачал головой. – Должен вас разочаровать: этот ваш предполагаемый убийца носил точно такие же горные ботинки, как и ваш друг Семенов. Следы очень похожие. Впрочем, тут многие ходят в подобной обуви. Но у меня возник другой вопрос. Вы уже второй раз говорите, что у Семенова здесь мог быть кто-то знакомый. Вы такого знакомого случайно не знаете? Может, в поселке отдыхает кто-то, кого он знал еще в Москве?

– Нет, я никаких общих знакомых не встречал, – покачал головой Абуладзе. – И Игорь не говорил. Хотя нет, постойте! Он как-то упомянул, что встретил одного человека, которого знал. Он даже сказал о нем несколько слов… Но что именно? Нет, не могу вспомнить.

– Как я вижу, вам теперь многое придется вспоминать, – заметил Гуров. – Ладно, здесь я тоже увидел все, что хотел. Теперь давайте вернемся в пансионат – мне надо познакомиться со всеми, кто там живет, поговорить с ними. А пока будем спускаться, я задам вам еще несколько вопросов.

Глава 5

Они вернулись к покинутой ими трассе и продолжили путь вниз. Мимо все так же проносились горнолыжники.

– Мы остановились на том, что у дочери Семенова были какие-то проблемы, – сказал Гуров. – Что за проблемы?

– Ну, понимаете… – ресторатор замялся. – В молодости каждый – ну, почти каждый – переживает какие-то увлечения, которых потом стыдится. Вот и у Ксении было что-то подобное.

– А что именно?

– Когда ей было пятнадцать, она часто впадала в депрессию, – начал рассказывать Абуладзе. – Устраивала отцу и матери скандалы. Заявила, что взрослые все врут, все скрывают. Что ведут скучную, тоскливую жизнь, только прикрывают ее красивыми словами. Думают только о деньгах, о богатстве… Ну, много чего говорила. А немного позже она заявила, что не хочет жить. Игорь и Лидия встревожились. Водили дочь к психологу, даже к психиатру… в церковь ходили… Ничего не помогало. Даже хуже стало. Она связалась с компанией очень странных молодых людей. Они называли себя готами.

– Вот как… – медленно произнес Гуров. – Кто такие готы, я знаю. Это и впрямь нехорошее знакомство.

– Да, так и есть. Она стала пропускать уроки в гимназии, иногда приходить после полуночи. А потом вообще не пришла ночевать. Родители обратились в полицию. Там выяснили, что Ксения участвовала в какой-то черной мессе. И что группа, с которой она связалась, практикует человеческие жертвоприношения. Игорь был просто в ужасе. Он решил спасти дочь любой ценой. Бросил все дела и занимался только ей.

– И какой же путь он выбрал, интересно? – спросил Гуров.

– Тот, который был ему ближе всего, – горные лыжи. Он запомнил, что им с Лидией говорила психолог – что у их дочери слишком сильный, неженский характер. Поэтому обычная жизнь со стандартным набором трудностей и удовольствий ей кажется пресной. А спуск, тем более с крутых, опасных трасс, – это достаточно сложное испытание. Адреналина тут хватает. И он решил попробовать. Увез дочь в Альпы, в Больцано, потом в Давос, и стал учить кататься. Как он мне рассказывал, получилось не сразу. Вначале Ксения не хотела. Потом желание появилось, но у нее не получалось, и она злилась.

– А что тут должно особенно получаться? – искренне удивился Гуров. – Я вот всего три дня назад впервые встал на горные лыжи – и ничего, успешно спустился.

– Так вы, наверно, по новичковой трассе спускались? – спросил Абуладзе.

– Ну да, а по какой еще?

– А Ксения захотела сразу ехать только по самой сложной. Уперлась, заявила отцу: или там же, где ты, или нигде. Пришлось ему уступить. Он мне говорил, что ужасно боялся сразу двух вещей: или что Ксения расшибется и все себе переломает, или что разочаруется, бросит все попытки и вернется к своим готам и их черным мессам.

– И что – не расшиблась? И не бросила?

– Представьте себе, нет. Все как-то обошлось. Ксения спустилась раз, другой… Увлеклась, старалась увеличить скорость. Начала интересоваться у отца, есть ли более сложные трассы, захотела поехать туда. Потом услышала про спуск со скал – ну, вы, наверно, видели эти кадры. Вот это чистый экстрим! Фактически люди прыгают на лыжах в пропасть. Ксения и этим позанималась. И в результате в течение года стала совсем другим человеком. Бросила своих готов, выбралась из депрессии, поступила в институт. Только не в юридический, куда ее хотела устроить мать, а совершенно неожиданно в историко-архивный, на отделение дизайна. Заявила

родителям, что хочет стать дизайнером. Причем не обычным, который убранство квартир проектирует, а парковым. У нее появились новые друзья, подруги… В общем, как я уже говорил, она стала другим человеком. С сильным, самостоятельным характером.

– Как я понял из вашего рассказа, отец принял гораздо большее участие в судьбе Ксении, чем мать, – сказал Гуров. – Можно предположить, что и контакт у нее был прежде всего с отцом.

– Да, Игорь и Ксения хорошо понимали друг друга, – подтвердил ресторатор. – Понимали – и любили. Ксения очень тяжело переживает смерть отца. Ей очень плохо…

– А еще из нашей беседы с Лидией Евгеньевной в пансионате у меня сложилось впечатление, что она не слишком огорчена смертью мужа, – продолжал Гуров. – Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь, – отвечал Абуладзе. – Надо признаться: в последние годы отношения между Игорем и его женой были не слишком теплыми. Впрочем, я вам это уже говорил.

– Можно узнать, почему так случилось?

– Ну, опять же я об этом упоминал, – пожал плечами Абуладзе. – Во-первых, у Лидии возникли обычные женские проблемы, связанные с возрастом. Близости между ними уже быть не могло. А потом… наверное, они просто устали друг от друга.

Однако у Гурова сложилось четкое впечатление, что лучший друг погибшего бизнесмена в этом вопросе был не совсем откровенен.

За разговором они – уже пешком, а не на подъемнике – преодолели путь в обратном направлении и вновь оказались возле пансионата «Вершина».

– Значит, вы хотите побеседовать с родственниками и друзьями Игоря? – спросил ресторатор.

– Да, с каждым, – подтвердил Гуров.

– И с кого хотите начать?

– Пожалуй, с дочери. Если она может разговаривать.

– Да, Ксюша вполне может. Я ведь с ней тоже советовался, прежде чем пойти к вам. И она полностью одобрила эту идею… в отличие от Лидии.

– Вот и пойдемте к ней, – предложил Гуров.

Они вошли в здание и поднялись на второй этаж. Пансионат выглядел вымершим, по дороге им никто не встретился. Абуладзе провел Гурова в конец коридора и постучал в дверь.

– Кто там? – послышался в ответ девичий голос, в котором слышались боль и раздражение.

– Это я, Олег, – отвечал Абуладзе. – Я привел гостя.

– Хорошо, входите, – ответили из-за двери.

Ресторатор толкнул дверь, и они вошли в комнату.

Как понял Гуров, комнаты в «Вершине» были обставлены с претензией на роскошь. Дорогая мебель, пушистый ковер на полу, на одной из стен – выполненная маслом картина с видом Чегета. Причем нарисовано это было не тем зализанным стилем, каким рисуют художники, торгующие своими изделиями на Арбате, – это была настоящая живопись, у художника имелась собственная манера.

Кожаное кресло, стоявшее у стола, пустовало, как и два стула. Хозяйка комнаты сидела прямо на кровати, на скомканном покрывале. Видно было, что она только что лежала на нем и поднялась только после стука в дверь.

– Ксюша, это Лев Иванович Гуров, – сказал Абуладзе. – Помнишь, тот оперативник, о котором…

– Да, я знаю, – отвечала девушка. Увидев гостя, она быстрым движением вытерла с лица слезы и встала.

– Здравствуйте, – сказала она, обращаясь к Гурову. – Садитесь сюда, пожалуйста, – она указала на кресло. – Я рада, что вы согласились расследовать гибель папы. Я не могу… не хочу, чтобы все так осталось… словно он сам…

Гуров внимательно взглянул на свою собеседницу. Было заметно, что перед ним человек, переживающий большое горе. Лицо девушки опухло от слез, глаза потускнели. Тем не менее ее лицо не утратило привлекательности, а также твердого, несколько упрямого выражения. Было понятно, что перед ним сидит человек с сильным характером.

– Я тогда пойду? – спросил Абуладзе, обращаясь то ли к сыщику, то ли к хозяйке комнаты. Ксения, впрочем, не сомневалась, что вопрос адресован именно ей.

– Да, дядя Олег, – сказала она. – Спасибо вам.

Ресторатор вышел, они остались вдвоем.

– Мне надо будет задать вам несколько вопросов, – начал Гуров. – Меня будут интересовать самые разные вещи – и то, как прошел вчерашний вечер, и обстоятельства вашей жизни в Москве. Некоторые вопросы могут вам показаться неприятными. Но я должен знать все. Только так я могу начать расследование.

– Да, я понимаю, – кивнула Ксения. – Спрашивайте обо всем. Страшнее смерти папы все равно ничего нет. Какие еще неприятные вопросы могут быть?

– Скажите, у вашего отца были враги? Ему кто-нибудь угрожал?

– Враги… – девушка задумалась. – Конкуренты у него точно были. И есть. Наша компания занимает третье место среди российских перевозчиков, но в последние годы она быстро набирает вес, к нам обращается все больше новых клиентов. Это многим не нравится. Папа говорил, что ему несколько раз предлагали продать бизнес, сулили хорошие отступные. Он отказался. Тогда ему стали угрожать, и после этого он нанял телохранителя. Он и сейчас здесь, его зовут Павел. Но кто ему угрожал… об этом отец не говорил. Впрочем, вы лучше спросите об этом Павла. Может, он знает.

– Ваш знакомый Олег Абуладзе мне сказал, что ваш отец встретил здесь, в поселке, какого-то знакомого – вроде бывшего коллегу. Вы не знаете, о ком идет речь?

– Нет, папа мне ничего об этом не говорил, – покачала головой девушка.

– А он не говорил о том, что встретил здесь кого-то из своих конкурентов?

– Нет, этого он точно не говорил. Если бы такая встреча состоялась, думаю, я бы знала.

– Почему вы так уверенно говорите? Отец с вами много беседовал о делах компании?

– Да, в последний год папа часто говорил со мной о работе, – подтвердила Ксения.

– И вам это было интересно?

– Не скажу, чтобы меня интересовал бизнес. Но ведь это папина фирма, правда? Ему это важно. Всей нашей семье это важно. Поэтому я старалась вникнуть во все.

– Скажите, а вы знали о том, что ваш отец хотел изменить завещание в вашу пользу?

– Да, у нас был такой разговор, – кивнула девушка. – Примерно полгода назад. Папа сказал, что я сильно изменилась… И что он хотел бы, чтобы я больше знала о делах фирмы.

– И после этого он стал с вами чаще беседовать на эти темы?

– Да, мы стали чаще об этом говорить.

– А вашей матери он что, перестал доверять?

– Ну, мне трудно об этом судить… – произнесла Ксения, глядя куда-то в сторону.

– У меня сложилось впечатление, что ваши отец и мать в последнее время были не особенно близки. Это так?

– Да, это верно. Папа… когда-то он очень сильно любил маму. В моем детстве, я помню, они всегда были вместе, много разговаривали. Потом все стало меняться. В последние годы они почти не общались.

– А почему? Отец вам не рассказывал? Ведь, как я понял, у вас с ним было полное взаимопонимание?

– Да, мы с папой говорили обо всем. Он был такой человек… Лучше самой хорошей подруги. Я могла ему все доверить. А что касается мамы… Ну, как вам сказать… Да, папа говорил об этом. Хотя бы для того, чтобы объяснить… некоторые вещи. Как я поняла, у папы были претензии к маме. Они познакомились, когда папа только начинал строить свой бизнес. То есть он был человеком среднего достатка. И потом, когда к нему пришло большое богатство, он не изменил своих вкусов и привычек. У него и круг знакомств остался прежним. Он был равнодушен к одежде, к еде. Не хотел часто менять машины, не любил говорить об этом. А маме это не нравилось. Она рассталась со всеми своими подругами по институту, по прежней работе. И не хотела общаться со знакомыми папы. Называла их «голытьбой», «людьми не нашего круга», «совками». Она даже дядю Олега, хотя он тоже человек состоятельный, считает неподходящим знакомым.

– То есть ваша мать упрекала отца за то, что он не хочет жить по средствам?

– Да, она хотела жить в роскоши. И хочет. Вращаться в высшем свете. Она настаивала на том, чтобы мы купили усадьбу на Рублевке или в другом престижном месте. А папа не хотел что-то менять. Его устраивала наша квартира в Москве. Надо признать, мама его сильно этим изводила.

– У вашего отца была другая женщина?

Гуров заметил, как сверкнули глаза девушки. Видно было, что она собирается ответить что-то резкое. Но потом она сдержалась и, глядя в сторону, сказала:

– Возможно. Но я об этом не знаю. И знать не желаю!

– Пусть, – согласился Гуров. И, резко меняя тему разговора, сказал: – Теперь давайте поговорим о вчерашнем вечере. Абуладзе говорил мне, что вчера, за несколько часов до выхода на трассу, ваш отец полдничал. Что-то ел, пил кофе. Вы при этом не присутствовали?

– Почему же, присутствовала, – отвечала девушка.

– Где проходил полдник?

– Внизу, в гостиной.

– Кто еще присутствовал, кроме вас и вашего отца?

– Да все. Дядя Олег, мама, Настя… Да, еще этот… Молчанов. Он чуть позже подошел.

– Что ел ваш отец?

– Сейчас вспомню…

Девушка чуть опустила голову, стараясь сосредоточиться.

– Значит, так. Папа вначале ел креветки… потом тропический салат… выпил сок… А в конце выпил чашку кофе и съел немного шоколада.

– Кофе у вас откуда – из кофеварки?

– Нет, папа кофеварку не признает. Не признавал… Только натуральный кофе, сваренный на огне, в турке. Он сам любил варить.

– А кто варил кофе вчера? Он сам?

– Нет, вчера я варила.

– Только ему?

– Нет, почему только ему? Еще себе и дяде Олегу. Как раз получилась полная средняя турка. Мама кофе не пьет, Настя тоже отказалась, а Молчанова вначале не было, когда я варила, – ну, я говорила. Он, правда, потом вроде как обиделся, что на него не сварили…

– А где вы варили – на кухне?

– Да, конечно.

– Значит, вы сварили полную турку и принесли ее в гостиную? И уже там разлили по чашкам?

– Ну да. Я накрыла поднос с тремя чашками, поставила на него турку и все это принесла в гостиную. И уже там разлила.

– Ваш отец пил из какой-то особой чашки?

– Нет, какая особая? У всех были одинаковые.

– Значит, если я правильно вас понял, в гостиной, когда вы разливали кофе, были пять человек? Молчанов подошел позже?

– Нет, не так, – покачала головой девушка. – Он вошел почти одновременно со мной. Еще сказал, я помню: «О, да вы кофе пьете! А мне чашечка найдется?» И шагнул к подносу, чтобы взять чашку. Тут оказалось, что я сварила только для троих. И он, как мне показалось, обиделся.

– Что же, заместитель вашего отца так и остался без кофе?

– Нет, почему же? Он позвал Павла – это помощник и телохранитель отца – и попросил сварить ему еще чашку. И тот сварил.

– Значит, вы разлили кофе по чашкам, и все стали пить?

– Да, так и было.

– А ваш отец случайно не отставлял свою чашку в сторону? Ну, знаете, бывает, что человек увлечется разговором или вспомнит, что что-то забыл, и поставит чай или кофе куда-то. А потом допьет.

– Сейчас припомню… – сказала девушка и задумалась. Потом тряхнула головой и уверенно ответила:

– Нет, никаких пауз папа не делал. Как взял чашку, так всю и выпил. Он вообще признавал только горячий кофе и никогда его в сторону не отставлял.

– А этот Молчанов, который с вами приехал, – он что, тоже увлекается горными лыжами? Часто с вами ездит?

– Вовсе нет! Никогда он с нами не был. А в этот раз почему-то увязался.

– Вам, я вижу, этот Молчанов чем-то несимпатичен.

– Да, он мне не нравится, – призналась девушка. – Но папа его ценит. Ценил… Он говорил, что Глеб Николаевич – очень хороший специалист. И что после проведения внеочередного аудита и выявления причин финансовых потерь он даст ему дополнительные полномочия. Хотя какие еще дополнительные полномочия могут быть – ведь он и так первый заместитель директора!

– А что за аудит?

– Папа раз в несколько лет проводит независимый аудит компании. Уже дважды так делал. Он говорил, что хотя это стоит больших денег, но себя оправдывает. Только независимый эксперт может четко сказать, какие слабые места есть в работе фирмы.

– То есть он заказал очередную проверку? И она вскоре должна начаться?

– Да, через месяц, в феврале. Только она не плановая, она внеочередная.

– А почему потребовалась такая внеплановая проверка? – поинтересовался Гуров.

– Папа говорил, что в последние полгода стали исчезать деньги. То какая-то фирма заключит с нами договор, мы им окажем услуги, а она не оплатит. А потом и сама исчезнет. То старый, проверенный заказчик почему-то переведет деньги не на наш счет, а на совершенно другой. Вот Молчанов и обратил папино внимание на эти вещи. И папа заказал внеочередную проверку.

– Очень интересно… – сказал Гуров. – Что ж, спасибо, Ксения Игоревна, вы мне очень помогли. Пока что у меня больше вопросов нет.

– А с кем вы теперь хотите побеседовать? – спросила девушка.

– Пожалуй, сейчас настало время мне связаться с правоохранительными органами, – сказал Гуров. – С тем оперативником, который приезжал сюда сегодня утром. Вот только телефон у господина Абуладзе узнаю – и свяжусь.

– Если вам нужен дядя Олег, – сказала Ксения, – то его комната в другом конце коридора. Или… или вы можете его найти в третьей комнате отсюда.

Гуров заметил, что, произнося эти слова, Ксения Семенова слегка поморщилась.

Глава 6

Следуя указаниям дочери погибшего предпринимателя, Гуров прошел в другой конец коридора и постучал в дверь. Ответом ему было молчание. Он подергал ручку – закрыто. Тогда он вернулся к двери, на которую Ксения указала как на второе возможное место пребывания ресторатора, и повторил свою попытку. Однако и здесь его ожидала неудача – дверь была закрыта и никто на стук не отзывался.

Можно было, конечно, разыскать жену погибшего Семенова, Лидию Евгеньевну, и задать ей пяток неприятных вопросов. Например, про первое и второе завещание или про их охлаждение с мужем. Можно было также побеседовать с первым заместителем Семенова, Глебом Молчановым, и узнать, с чего это он внезапно проникся любовью к горным лыжам. Однако Гуров считал, что у каждого этапа расследования есть свое время. И он терпеть не мог менять этапы местами. Сейчас надо было связаться с коллегами. Поставить их в известность о своем участии, а главное – попросить провести вскрытие и анализ крови погибшего. Даже не попросить, а потребовать. Кроме того, надо было узнать о конкурентах Семенова, о том, как шли дела у его фирмы. «Не буду я пока со вдовой беседовать, – решил Гуров. – Только уж если совсем делать нечего будет, тогда, чтобы время не терять, поговорю».

Что ж, если не удается узнать телефон лейтенанта Касыгова Александра Исрапиловича напрямую, можно это сделать кружным путем – обратившись к имевшемуся в поселке сержанту. Гуров знал, где его искать – опорный пункт полиции находился во встроенном помещении в том самом отеле, где он остановился. Значит, надо направиться туда.

Гуров вышел из пансионата и двинулся вниз, в сторону поселка. Однако не успел он пройти и ста метров, как увидел, что навстречу ему поднимаются двое – мужчина и женщина. Мужчина был не кто иной, как уже знакомый Гурову ресторатор Абуладзе. Девушку он видел впервые. Ее лицо вначале показалось ему похожим на лицо Ксении Семеновой. Но затем он понял свою ошибку. Похожими лица двух девушек делало горе: видимо, оно накладывает на лица всех людей свой отпечаток, стирая различия. Было видно невооруженным глазом, что девушка, шедшая в обществе Абуладзе, переживала смерть Семенова не менее остро, чем его родная дочь. Однако лицо у нее было совсем другим, чем у Ксении: менее твердым и волевым, более женственным и одухотворенным.

Шедшие навстречу люди пока что не видели Гурова. Ресторатор что-то втолковывал девушке – кажется, успокаивал, утешал. А затем сделал совершенно естественный между близкими людьми жест – обнял ее за плечи. Чуть сжал. Однако ее реакция на ласку Гурова удивила. Настя – а это, без сомнения, была именно она – резким движением сбросила руку ресторатора со своего плеча и, повернувшись, сказала ему что-то, несомненно, тоже резкое. Олег Вахтангович в ответ прижал обе руки к груди и забормотал извинения.

В этот самый момент он и заметил идущего навстречу сыщика. Его лицо выразило растерянность, даже испуг. Но в следующее мгновение он совладал с собой и что-то сказал своей спутнице. Та, в свою очередь, подняла голову и посмотрела на Гурова. В этом взгляде была боль, большая боль, но была и надежда.

– А вот и тот, о ком я тебе говорил! – преувеличенно бодрым тоном произнес Абуладзе, обращаясь к своей спутнице. – Познакомься: это Лев Иванович Гуров. Лев Иванович, позвольте вам представить Настю Мельникову.

Гуров пожал протянутую ему руку девушки. Она сжала его пальцы чуть сильнее, чем принято при рукопожатии, – словно надеялась зацепиться за что-то надежное, крепкое.

– Вы ведь разберетесь, правда? – спросила Настя. – Узнаете, что на самом деле случилось с Игорем… Борисовичем?

Отчество погибшего прозвучало после некоторой паузы – было очевидно, что при жизни Настя привыкла обращаться к Семенову исключительно по имени. Голос у нее был под стать лицу: нежный и красивый.

– Постараюсь, – ответил Гуров. – Твердо обещать не могу, но постараюсь.

Он поймал себя на том, что ему не хочется прерывать ненужный в данный момент разговор с девушкой и обращаться к Абуладзе – хотелось еще и еще слышать ее голос. Но он поборол это искушение и повернулся к ресторатору:

– Вы мне обещали дать телефон лейтенанта Касыгова – того, кто осматривал погибшего Семенова. Я за телефоном.

– Да, конечно! – воскликнул ресторатор. – Пойдемте, он у меня в записной книжке, в номере.

Они повернули назад, к пансионату. Вначале шли молча, потом Гуров сказал, обращаясь к Насте:

– Я вижу, вы глубоко переживаете смерть Семенова. Вы хорошо его знали?

– Я? Да, я знала его хорошо, – тихо отвечала Настя.

– И давно, наверно?

– Давно? Нет, не очень. Год… Нет, полтора года.

Прозвучало это как-то странно, но Гуров решил на время оставить дальнейшие расспросы – тем более что они уже подошли к пансионату.

Они только собрались войти, и тут послышался шорох разрезаемого лыжами снега, перед глазами Гурова мелькнул веер поднятых при торможении снежных комьев – и прямо перед ними затормозил и остановился весьма колоритный человек. Это был мужчина ростом с самого Гурова – то есть не меньше ста восьмидесяти пяти сантиметров, отлично сложенный, облаченный в яркий горнолыжный костюм – бирюзового и алого цветов. Картину дополняло мужественное загорелое лицо, на котором выделялись голубые глаза и белозубая улыбка. В целом создавалось впечатление человека, только что сошедшего с рекламного плаката «Лучший отдых – это отдых в горах!».

Гурову показалось, что он уже видел колоритного незнакомца, но только не мог вспомнить где. На Гурова и Абуладзе красавец вовсе не глядел, его внимание было обращено исключительно на Настю.

– Здравствуйте, Настя! – воскликнул незнакомец приятным тенором. – Почему вас сегодня не было на трассе? Я вас ждал!

Девушка ничего не ответила. Бросив на красавца взгляд, полный ненависти и какой-то гадливости, она открыла дверь и скрылась в доме.

Зато незнакомцу ответил Абуладзе:

– Ты, красавчик, когда в следующий раз захочешь с девушкой говорить, сначала валенки сними. Понял? – произнес он тоном, не предвещавшим ничего хорошего. Гуров отметил, что в речи ресторатора неожиданно прорезался грузинский акцент, который был до этого не слышен.

– А вам что за дело? – ничуть не смутившись, отвечал обладатель яркого костюма. – Я с вами не разговаривал.

– Зато я с тобой разговариваю! – повысил голос Абуладзе. – Могу и еще поговорить! Хочешь?

– Вы чего тут, гражданин, скандалы устраиваете? – без испуга ответил незнакомец. – Если вы приехали сюда драки устраивать, то можно пригласить полицию, пусть она вами займется.

– Полицию приглашать не надо, она уже здесь, – вступил в разгоравшийся конфликт Гуров. – Я полковник полиции. У вас ко мне есть вопросы?

Возможно, обладатель роскошного костюма и хотел усомниться в словах Гурова, но что-то в тоне сыщика заставило его поверить.

– Да нет у меня вопросов, – сказал он миролюбивым тоном. – Просто гражданин ведет себя вызывающе. Драку хочет затеять. Я драк не боюсь, сил хватает, но зачем? Я просто хотел поговорить со своей ученицей.

При этих словах незнакомца Абуладзе фыркнул, однако ничего не сказал и ушел в дом вслед за Настей. А Гуров, оставшись с приставалой наедине, спросил:

– Ученицей? А вы что же – учитель?

– Можно сказать и так. Я инструктор по скоростному спуску. Вишняков Петр Аркадьевич, можно просто Петр, – представился незнакомец.

Гуров ответил тем же.

– А вы не скажете, Лев Иванович, что случилось с Настей? – доверительно спросил у него инструктор. – Вчера, когда мы с ней занимались, она была такой веселой, смеялась, не умолкая. И мы договорились, что сегодня я продолжу с ней заниматься. Но она почему-то не пришла, и вот я решил сам ее проведать…

– Случилось не с Настей, а с ее хорошим знакомым Игорем Борисовичем Семеновым, – отвечал Гуров. – Он вчера поздно вечером разбился – упал со скалы. Вы разве об этом не слышали?

– Да, мне утром ребята говорили, что ночью разбился какой-то отдыхающий, – признался Вишняков. – Но я не знал, что это Семенов. Мне бы и в голову такое не пришло!

– А что, вы хорошо знали погибшего?

– Ну конечно! Тут в поселке его многие знают, он сюда почти каждый год приезжает. Мастер высочайшего класса! Почти профессионал. Мне его, во всяком случае, учить нечему. Как он мог погибнуть на трассе? Никогда бы не подумал…

– Скажите, а что вы сами делали вчера вечером? – неожиданно спросил его Гуров.

– Вечером? Ну, пока трасса была освещена, как всегда, работал, занимался с новичками…

– До самого конца?

– Ну нет, не до самого… А почему вы спрашиваете?

– Я расследую обстоятельства смерти Семенова, – объяснил Гуров.

– Но… он ведь разбился, верно? Что же тут расследовать?

– Я проверяю, сам ли он разбился или кто-то ему помог. Так где вы были после того, как ушли с трассы?

– Ну… понимаете, я был с одной… отдыхающей… – инструктор доверительно понизил голос. – Если нужно, я скажу, как ее зовут… и номер в гостинице…

– Хорошо, если потребуется, я спрошу, – сказал Гуров.

– Значит, Семенов был другом Насти… – произнес инструктор, словно размышляя вслух. – Но теперь, когда он погиб… выходит, что девушка свободна? Просто расстроена. Но это скоро пройдет…

– Не думаю, что это скоро пройдет, – сказал Гуров. – А кроме того, девушка вовсе не свободна. Семенов был просто ее хорошим знакомым, я ведь вам сказал. А ее близким человеком является Абуладзе – тот, с кем вы только что едва не подрались.

– Вот как? – удивился инструктор. – Никогда бы не подумал! На трассе я ее с этим грузином не видел. А вот с Семеновым – видел. И вели они себя не как знакомые. Странно…

– Как бы то ни было, советую оставить Настю в покое, – твердо сказал ему Гуров.

– Да, если так, то конечно, – согласился Вишняков. – Зачем нарываться? Как будто других нет.

С этими словами он развернулся и направился назад, к подъемнику. Однако ехать вверх по склону на горных лыжах не получалось: пришлось инструктору их снять и идти пешком.

Проводив его взглядом и подумав над его последними словами, Гуров вошел в пансионат. В холле он увидел Абуладзе. Ресторатор поджидал его, держа в руке записную книжку.

– Спасибо, что вмешались и отшили этого негодяя! – обратился он к сыщику. – А то мне кровь бросилась в голову. Я готов был затеять драку. Всю морду бы ему разбил! Как он смотрел на Настю! Мерзавец!

– Да, личность неприятная, – согласился Гуров. – Но не стоит из-за него так горячиться. Значит, номер телефона этого полицейского у вас есть?

– Да, я его уже нашел, – сказал Абуладзе, открывая заранее заложенную страницу записной книжки. – Вот, записывайте.

Гуров записал сотовый телефон лейтенанта, после чего вышел из пансионата и набрал номер. Полицейский откликнулся сразу, будто ждал звонка.

– Касыгов слушает! – сообщил он.

Гуров представился.

– Не может быть! – воскликнул лейтенант. – Лев Иванович Гуров! Что, отдохнуть приехали? Решили на лыжах покататься?

– Да, вначале я приехал именно с этой целью, – сказал Гуров. – Но выяснилось, что тут имеется для меня работа.

– Работа? Какая именно? – встревожился Касыгов. – Неужели в поселке произошло преступление?

– Да, – подтвердил Гуров. – И вы о нем знаете. Я расследую обстоятельства гибели Игоря Семенова.

– Обстоятельства? Какие же тут особенные обстоятельства? – с удивлением спросил Касыгов. Он произнес эти слова с той же интонацией, с какой недавно говорил инструктор Вишняков. – Ведь это явный несчастный случай!

– Мне так не показалось, – сказал Гуров. – Погибший, как известно, был мастером скоростного спуска. Все, кто его знал, утверждают, что он просто не мог так ошибиться и выкатиться за пределы трассы почти на полкилометра.

– Но ведь дело было ночью, – напомнил лейтенант. – И потом, Семенов, возможно, выпил перед тем, как отправиться на трассу. И вообще он был уже в годах…

– А вам, лейтенант, сколько лет, если не секрет? – спросил Гуров.

– Мне двадцать шесть, – отвечал собеседник.

– Ну, конечно, в вашем возрасте все, кто старше сорока, кажутся глубокими стариками, – заметил Гуров. – Однако Семенов был совсем не стар. Но важнее другое. Я прошел весь путь, который проделал Семенов от поворота на трассе до обрыва, и кое-что обнаружил. Вы сами там ходили?

– Наверху? Да, конечно! – заверил его Касыгов. – Я внимательно осмотрел место у обрыва. Смотрел, нет ли каких следов борьбы. Следов не было.

– А путь к этому обрыву – смотрел?

– Нет, а что?

– А то, – отвечал Гуров, – что Семенов не съехал с трассы. Он с нее сошел. И дальше шел пешком, волоча за собой лыжи. Об этом говорят следы. Как ты думаешь, что его заставило так поступить?

– Не знаю… – растерянно отвечал лейтенант.

– И я пока не знаю, – сказал Гуров. – Но хочу узнать. А для этого надо провести кое-какие действия. Прежде всего – вскрытие тела. И сделать анализ крови. Может, еще какие-то анализы – судебный врач знает какие. Есть у вас судебный врач?

– Да, у нас есть… Но родственники, кажется, хотели быстрее увезти погибшего в Москву…

– Кто тебе об этом говорил? – спросил Гуров.

– Жена… То есть вдова погибшего.

– Мне она говорила другое, – сообщил Гуров. – Что заинтересована в тщательном расследовании всех обстоятельств и причин смерти ее мужа.

– Наверное, передумала… – сказал голос в трубке.

– Да, скорее всего, передумала, – согласился Гуров.

Глава 7

Окончив разговор с лейтенантом Касыговым, Гуров несколько минут стоял, раздумывая, что делать дальше. Лейтенант обещал немедленно выслать машину за телом Семенова. Уже вечером, по его словам, проведут вскрытие и все анализы, к утру результаты будут известны. Если бы дело происходило в Москве, Гуров, скорее всего, до утра бы ничего не предпринимал и занялся другим делом – ведь редко бывает, чтобы оперативник имел в разработке только одно дело. Чаще их бывает три-четыре.

Но здесь другого дела у него не было. А откладывать и ничего не делать почти сутки было не в привычках Гурова. «Можно сходить и обследовать место, где нашли тело Семенова, – размышлял он. – Но вряд ли я там найду что-то существенное. Важнее побеседовать с теми, кто знал погибшего. И начать надо с самого близкого покойному человека – с жены. Хотя я и не хотел сначала с ней говорить, а все равно никуда от этого не деться. Какие бы у них ни были отношения – но она все равно остается близким покойному человеком. Значит, надо идти к Лидии Евгеньевне».

Приняв такое решение, Гуров вошел в пансионат. В холле никого не было – Абуладзе, как видно, поднялся к себе. Где же искать комнату вдовы? Может, постучаться к Ксении, спросить у нее?

Пока Гуров колебался, вопрос решился сам собой: на втором этаже открылась одна из дверей, и из нее вышла Лидия Евгеньевна Семенова.

– Как вы кстати появились! – воскликнул сыщик. – Я как раз хотел с вами побеседовать.

– Хорошо, давайте побеседуем, – согласилась вдова. – Поднимайтесь, посидим у меня. Там нам никто не помешает.

Пользуясь приглашением, Гуров поднялся на второй этаж и вошел в комнату, которую занимала Лидия Евгеньевна. Хотя мебель здесь была гостиничная и убранство не отличалось от убранства других номеров, вдова все равно сумела придать комнате свой особый вид: на тумбочке стояли несколько восточных свечей, одна из которых, как видно, недавно курилась, на стенах висели копии японских гравюр.

– Садитесь, – пригласила вдова, указав сыщику на стул; сама она заняла кресло у окна. – О чем вы хотели меня спросить?

– Мне хотелось прояснить несколько моментов, – начал Гуров. – Прежде всего мне нужно лучше представить себе состояние здоровья вашего мужа. Он был спортсменом, как меня заверили, настоящим мастером скоростного спуска, вел, как я понимаю, здоровый образ жизни – но был ли он на самом деле здоровым человеком?

– В том-то и дело, что не был, – со вздохом призналась Лидия Евгеньевна. – Весь этот бодрый вид, эти ночные катания были сплошной имитацией. Мне неприятно это говорить, но мой муж был фальшивым, неискренним человеком. И это касалось не только здоровья, а всего. Буквально всего! И бизнеса, и личной жизни, и привычек…

– Ну, о бизнесе и личной жизни мы можем поговорить позже, – сказал Гуров. – А сейчас хотелось бы все-таки услышать о состоянии здоровья Игоря Борисовича.

– Хорошо, давайте о здоровье, – согласилась вдова. – Начнем с того, что несколько лет назад он перенес инфаркт.

– Вот как?! – заинтересовался Гуров. – Глядя на него, я бы этого никогда не сказал.

– А разве вы его видели? – удивилась вдова. – Я имею в виду – живым?

– Да, видел, – признался Гуров. – Вот как раз вчера, когда он ехал на трассу, мы с моей женой спускались оттуда. У меня хорошая зрительная память, я неплохо запоминаю лица людей. И я запомнил вашего мужа. И припомнил, что и раньше несколько раз встречал его там, наверху. Он производил впечатление совершенно здорового человека.

– Все это было напоказ, – заверила его вдова. – На самом деле он все время беспокоился о своем здоровье. Это началось три года назад, с инфаркта. Он был, правда, не слишком обширный, поврежденным оказался только один клапан, операция не понадобилась, ему даже стенд ставить не стали, но Игорь, помню, сильно испугался. После кардиологии он лег в клинику на обследование. И оно выявило целый букет: простатит, аденома, снижение слуха, проблемы с кишечником… Кроме того, он страдал от перепадов давления. Оно у него было то немного повышенное, то резко понижалось.

– То есть пониженное давление было у вашего мужа чаще?

– Да, чаще. Но случались и гипертонические кризы. Хотя редко.

– В таком случае ваш муж должен был принимать лекарства – и для поддержания сердца, и от давления…

– Да, он принимал их каждый день, – подтвердила вдова. – И сердечные, и от давления, и от простатита.

– Скажите, а головокружений, обмороков у него не было?

– Головокружений? – удивилась Лидия Евгеньевна. – Нет, я о таком никогда не слышала. И обмороков тоже не было. Все-таки он старался, много двигался, а кроме того, принимал лекарства.

– Понятно… – произнес Гуров.

– Физически головокружений у него не было, – между тем продолжала вдова. – А вот головокружения, так сказать, психические – были.

– Что вы имеете в виду?

– То, что обычно случается со стареющими мужчинами. Увлечения! Игорь просто не мог пропустить ни одной молодой девушки, ни одной хорошенькой мордашки, которая попадала в поле его зрения. Что называется, седина в бороду, а бес в ребро.

– Возможно, вы преувеличиваете… – осторожно заметил Гуров.

– Преувеличиваю? Нет уж, скорее преуменьшаю! Он и лыжами этими своими занимался только затем, чтобы девчонкам голову кружить. Он даже сюда, со мной рядом, притащил свою очередную любовь!

– Кого вы имеете в виду?

– А вы еще не поняли? Вот эту самую Настю! Которая теперь изображает безутешное горе. Да уж, наверно, безутешное! Денежки-то перестанут течь, как до этого текли.

– Но вы, кажется, что-то путаете, – попробовал возразить Гуров. – Ведь Настя Мельникова приехала сюда с Олегом Абуладзе, это его девушка…

– Ну да, и Игорь мне ту же песню пел. И этот его дружок, грузин, жалкая личность, тоже ему поддакивает. Но меня не обманешь! Никакая она не девушка Абуладзе, она новая любовь моего дражайшего муженька. Конечно, о покойниках не принято плохо говорить. Но ведь вы, как полицейский, должны знать правду, а не красивые легенды. А хуже всего, что эти его сердечные увлечения начали сказываться на делах. Компания несет убытки.

– Да, мне говорили, – кивнул Гуров. – Но я слышал, что ваш муж как раз хотел установить причину этих убытков. И даже заказал для этого проведение независимой аудиторской проверки.

– Я слышала об этой проверке. Слышала – но не одобряю. Не знаю, зачем платить деньги аудиторам, когда и так все ясно. Деньги утекают на баб! И теперь, когда я возьму компанию в свои руки, эти траты прекратятся. Так что проверка не потребуется.

– Вы очень строго судите своего мужа, – заметил Гуров. – Как я понимаю, в последние годы отношения между вами были не слишком теплыми?

– Какие же могут быть теплые отношения при таком его поведении? – удивилась вдова. – При таком поведении вообще никаких отношений быть не может!

– Я вижу, у вас к нему накопилось много претензий. Возможно, вы не одобряли и его друзей, знакомых…

– Вы совершенно правы! Да, я не одобряла. И трудно одобрять этот его выбор. Точнее, тут и выбора никакого не было. Игорь просто плыл по воле волн. Дружил с кем попало. Например, с этим алкоголиком и неудачником Абуладзе. Я ему много раз говорила, чтобы он был разборчивее в выборе друзей. Он, при его состоянии, мог привлечь к себе людей значительных, со связями. Из мэрии, например, или из других структур. Но он не хотел ничего менять.

– Я слышал, вчера, перед тем как уйти на трассу, ваш муж полдничал. В частности, пил кофе. А что-то еще, кроме кофе, он пил?

– Это вы насчет спиртного? – уточнила Лидия Евгеньевна. – Если про это, то зря беспокоитесь. До инфаркта он действительно крепко прикладывался. А в последний год резко сбавил. Испугался. Так что нет – вчера он ничего не пил.

– Нет, я не имел в виду спиртное, – сказал Гуров. – Я говорил о напитках вообще – соки, чай, воду…

– Соки… – задумалась вдова. – Вообще он соки любит. Ну, и врачи рекомендовали. Но вчера… Нет, вчера, кажется, он ничего, кроме кофе, не пил.

– И еще у меня к вам вопрос насчет завещания, – сказал Гуров. – По тому завещанию, которое ваш муж составил несколько лет назад, все имущество компании достается вам. Это так?

– Вообще я не понимаю, какое отношение это может иметь к смерти моего мужа, – строго ответила Лидия Евгеньевна. – Но, с другой стороны, у меня нет причин скрывать истинное положение дел. Да, это так.

– А вы знали, что у вашего мужа был план изменить это завещание в пользу дочери?

– Как же, слышала! И если бы речь шла только о дочери, я бы слова не сказала. Но он ведь собирался учредить какой-то фонд. Якобы для занятия благотворительностью. А на самом деле, я уверена, эти деньги предназначались для его многочисленных баб и деток от этих баб. Вот куда он мои деньги собирался девать!

– И вы не скрывали от мужа ваше отношение к планам по изменению завещания?

– Конечно, не скрывала! С чего мне скрывать?

– Что ж, благодарю вас, – сказал Гуров, вставая. – Вы сообщили мне много интересной информации. А теперь подскажите, где я могу найти телохранителя, которого ваш муж взял сюда с собой. Кажется, его зовут Павел?

– Да, есть такой Павел Зорькин, – отвечала вдова. – Только он не телохранитель, скорее помощник. Да и помощник никчемный. Я как раз завтра собираюсь его рассчитать. Пусть возвращается в Москву. Мне он не нужен.

– Но пока он еще не вернулся в Москву, мне все же хотелось бы с ним поговорить, – настаивал Гуров. – Так где я могу его найти?

– Там в холле есть дверь направо, – нехотя сказала вдова. – Это его комната.

Глава 8

Следуя указаниям Лидии Евгеньевны, Гуров спустился на первый этаж и отыскал нужную комнату. Постучался, услышал приглашение «Входите» и шагнул внутрь.

Эта комната сильно отличалась от тех, что он видел на втором этаже. Тут никаких претензий на роскошь не было: ни дивана, ни кресла, ни картин на стенах, ни даже ванной комнаты. «Что называется, все удобства во дворе, – подумал Гуров. – В данном случае – где-то на этаже. Видимо, комнату сразу предназначали для прислуги. А ей роскошь не полагается».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.